

ОБРАЗ ПРОРОКА МУХАММАДА В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА

Аннотация. Тема Востока занимает важное место в творчестве И. А. Бунина. В данной статье на материале поэтических произведений писателя исследуется образ пророка Мухаммада, рассматриваемый в контексте религиозной эстетики Востока. Образ пророка, характерный для восточной поэзии, изучается на основе структурно-семантического анализа. Бунинские стихотворения, выбранные автором статьи для анализа, написаны с опорой на аяты из Корана. В них толкуется история ислама и кораническая литература. Новизна исследования заключается в анализе религиозной символики и религиозной терминологии, в частности коранической, в восточной лирике И. Бунина. Методология работы определяется теорией системно-комплексного подхода к изучаемому материалу, позволяющего рассматривать восточные стихотворения И. А. Бунина не просто как образцы ориентальной поэзии, но как явление формирующегося нового подхода к восточной тематике. Поэт в своем обращении к Востоку проникает в него настолько, что создается впечатление, что Бунин работает не с чужим, а родным, личностно близким материалом. Образ Мухаммада в реминисценциях поэта амбивалентен: он - Пророк, святой в религиозном учении Востока, с другой стороны, он описывается вполне земным человеком («Белые крылья», «Зеленый стяг», «Тайна», «Завеса», «Магомет в изгнании»). В ряде стихотворений изображаются некоторые этапы жизни Мухаммада, где он представлен обычным человеком, страдающим от непонимания окружающих, одиноким путником в пустыне («Магомет в изгнании»), Пророком, любимым рабом Господа, говорящим с Ним («Завеса»).

Ключевые слова: И. А. Бунин, Пророк Мухаммад, Восток, Коран, религия, ориентальная поэзия.

Значительная часть жизни И. А. Бунина связана с Востоком. Он много путешествовал по мусульманским странам. Формирование концепции мусульманского Востока в творчестве поэта происходило постепенно. В начале XX века, когда писатель начал путешествовать, ему было 33 года. Бунин побывал в Стамбуле тринадцать раз, при этом каждое новое путешествие дополняло и изменяло его ранние впечатления, вело к глубинному новому пониманию пути общемировой цивилизации и культуры.

Есть ряд стихов, в которых И. Бунин описывает образ пророка Мухаммада согласно Корану. Начнем реконструкцию авторского образа Пророка со стихотворения «Белые крылья» (1903-1906), в котором в определенной мере представлена биография пророка Мухаммада. Так, первая строфа стихотворения начинается с описания одного из важных эпизодов его жизни:

*В пустыне красной над пророком
Летел архангел Гавриил,
И жгучий зной в пути далеком
Смягчал сияньем белых крыл¹.*

Мы считаем, что И. А. Бунин заимствовал образ белых крыльев из книги «Коран Магомета»² в переводе А. Николаева, которая была ему известна. В ней сообщается, что раб Хадиджи, сопровождавший Пророка в Сирию, рассказал о том, что он будто бы видел в пути, как два ангела своими крыльями защищали Магомета от солнечного зноя [11, с. 11].

Можно толковать первую строфу стихотворения, опираясь на отдельные описания жизни Мухаммада в других источниках, например, на содержание книги «Жизнь Пророка Мухаммада»: в первой строфе видим историю его детства. На тот момент будущий Пророк

¹ Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский Дом, Вита Нова, 2014. С. 10.

² Коран Магомета / Новый пер., сделанный с арабского текста М. Казимирским, переводчиком при французском посольстве в Персии. Новое издание пересмотренное, исправленное и дополненное новыми примеч. Пер. с фр. А. Николаева. М.: М. В. Клюкин, [1901]. 588, [20], XVI с.

находился в пустыне, он был защищен от палящего зноя облаком: над его головой по приказу Бога появлялось облако, дабы защитить его от солнца и жары. «Белые крылья» у И. А. Бунина – это то облако, которым по велению Всевышнего архангел Гавриил спасает Пророка от «жгучего зноя в пути далеком». В книге «Жизнь Пророка Мухаммада» также находим толкование данной ситуации, которая начинается со встречи монаха Бахиры с Мухаммадом: «В день, когда курайшитский караван приближался к городу Бусра (Небольшой город в Сирии), некий монах по имени Бахира» пригласил их [весь караван – Э. К.] в гости. И далее: «Пришли все, кроме Мухаммада, оставшегося стеречь вещи. Увидев, что облако осталось над верблюдами, монах попросил, чтобы привели мальчика, и когда тот пришёл, облако тоже последовало за ним. Тогда Бахира сказал, что этого мальчика ожидает большое будущее. Он будет Пророком. Ангел Откровения снизойдёт к нему»³.

В основе второго четверостишия И. А. Бунина лежит описание другого события из жизни Пророка, а именно - его переселение (хиджра). 30-й аят восьмой суры Корана посвящен этому случаю: «Когда неверные тайно составили против тебя заговор, о Мохаммаде! Когда они хотели схватить тебя, убить или изгнать, то Бог, в свою очередь, устроил заговор против них и оказался, конечно, искуснее их»⁴.

Лирический герой И. А. Бунина, путешествуя по пустыне в Медину (город в Саудовской Аравии), сравнивает себя с Мухаммадом:

*И я в пути, и я в пустыне.
И я, не смея отдохнуть,
Как Магомет к святой Медине,
Держу к заветной цели путь*⁵.

В тексте стихотворения упоминается эпизод изгнания Пророка из Мекки в Медину: «Как Магомет к святой Медине». Интересно, что поэт, как и мусульмане, называет город «святой Мединой». О переселении Пророка в книге «Жизнь Пророка Мухаммада» читаем: «Мекканская знать, видя, что никакие угрозы, и даже смерть, не страшат истинных последователей Ислама, приняла новое решение: прекращение всяких отношений с мусульманами. Прекращение торговли с мусульманами привело верующих и, в особенности, семейство Хашимитов в очень затруднительное положение»⁶. Необходимо подчеркнуть, что И. А. Бунин обращает внимание на этот факт истории ислама потому, что переселение Пророка из Мекки имеет огромное значение в культуре Востока: этот год считается началом исламского календаря. В Коране есть ряд аятов, посвященных переселению пророка Мухаммада, где город Медина назывался Ясрибом. Город получил новое название только после переселения туда самого Пророка. Полное же название звучит как *Мединату-Наби*, что значит «город Пророка».

Слова лирического героя в последней строфе выражают спокойствие:

*Но зной не жжет – твоим приветом.
Я и донныне осенен:
Мир серебристым, нежным светом
Передо мною напоен*⁷.

Стихотворение «Зеленый стяг» (1903-1906) наполнено исламской и коранической тематикой настолько органично, что трудно поверить, что поэт не мусульманин. В этом стихотворении И. А. Бунин призывает человека к духовному джихаду, фактически призывая его стать Человеком. Здесь же упоминается первая ночь после смерти – ночь в могиле. Поэт обращается к вопросу вознесения Пророка. Следует отметить, что, по мусульманскому вероучению, «исра (мирадж) – ночное путешествие Пророка из Мекки в Иерусалим (Кудс) и вознесение его оттуда на небеса. Согласно одним данным, это событие произошло за пол-

³ Жизнь Пророка Мухаммада / группа редколлегии организации «Дар Рахи Хакк» М. : Исток, 2009. С. 9

⁴ Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 180.

⁵ Бунин. Указ. соч. 2014 . Т. 2 . С.10.

⁶ Жизнь Пророка Мухаммада. 2009. С. 23

⁷ Бунин. Указ. соч. 2014 . Т. 2 .С. 10

тора года до хиджры, а по другим – за три. В одну из ночей к пророку Мухаммаду явился ангел Джабраил. Таким образом, Пророк оказался вне времени и пространства» [1, с. 319].

«Магомет в изгнании» (1906) – одно из важных стихотворений И. А. Бунина, в котором изображается один эпизод из жизни Пророка и проникновенно демонстрируется не только отчаяние и скорбь пророка Мухаммада, но и религиозно-бытовые реалии арабского мира. Пророк пытался обратить жителей Мекки и Таифа в новую веру, но безуспешно. Он был изгнан из родной Мекки:

*Духи над пустыней пролетали
В сумерки, над каменистым логом.
Скорбные слова его звучали,
Как источник, позабытый богом⁸.*

И. А. Бунин описывает горе и тоску Пророка. В книге «Русские поэты и Восток» о форме изображения такой тоски читаем: «и тоска эта раскрыта изнутри, в той, кажется, единственно возможной форме, которую избирает И. А. Бунин: “Скорбные слова его звучали / Как источник, позабытый богом”» [12, с. 113]. По мнению П. И. Тартаковского, «колодец или родник, занесенный песками в палящей пустыне, может острее и глубже передать черную скорбь изгнанного героя» [16, с. 27].

В следующем фрагменте стихотворения изображается путешествие Пророка, полное страдания и горя:

*На песке, босой, с раскрытой грудью,
Он сидел и говорил, тоскуя:
«Предан я пустыне и безлюдью,
Отрешен от всех, кого люблю я!»⁹.*

Бунин показывает трудности путешествия Пророка: с одной стороны, удаленность от близких и родных, чувство одиночества, а с другой – слабость и усталость заставляют Мухаммада жаловаться скалам.

*И сказали Духи: «Недостойно
Быть пророку слабым и усталым».
И пророк печально и спокойно
Отвечал: «Я жаловался скалам»¹⁰.*

Т. М. Двинятина отмечает, что «из-за преследований курайшитов в Мекке Мухаммад отправился с проповедью ислама в город Таиф. Однако жившие там сакифы не приняли его учения, а его самого побили камнями. Когда на обратном пути в Мекку Мухаммад ночью совершал намаз, мимо проходили джинны. Услышав чтение Корана Пророком, они уверовали и стали распространять ислам среди своих соплеменников» [4, с. 379]. В Коране следующие аяты посвящены этому факту в жизни Пророка:

46: 27. Однажды мы привели толпу гениев (джиннов – Э. К.) для того, чтобы заставить их выслушать Коран; они явились и говорили друг другу: слушайте, а когда окончилось чтение, они возвратились в качестве апостолов к своему народу¹¹.

Без сомнения, здесь намек на один из эпизодов в истории Магомета, именно - на его беседу с известным числом гениев при Тайефе. Могамет, видя, какие препятствия встречает его миссия в Мекке, удалился в Тайеф, город Геджаса (Хиджаз – Э. К.); но и там его встретили недружелюбно, зато толпа гениев из Низибиса, находившаяся там, ознакомилась с учением Корана и приняла его.

46: 28. О народ наш! Говорили они: мы слышали книгу, ниспосланную с неба уже после Моисея и обнимающую все прежние книги; она ведет к истине по пути правому.

⁸ Бунин. Указ. соч. 2014. Т. 2. С. 9

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 474

46: 29. *О народ наш! Послушайте проповедника Божия и поверьте ему; он загладит грехи ваши, он спасет вас от наказания жестокого.*

46: 30. *Тот же, кто ответит на призыв проповедника божия, тот все же не будет на земле выше его и не найдет помимо Бога другого покровителя. Такие люди находятся в явном заблуждении.*

46: 31. *Разве не видят они, что такое Господь, создавший небеса и землю? И не утомился Он от творчества своего. Он может воскрешать мертвых. Да Он все может¹².*

72: 1. *Скажи: Он указал мне в откровении, что несколько гениев было послано послушать чтение Корана, и воскликнули они: мы слышали чтение необыкновенное¹³.*

Стихотворение «Завеса» (1912) – это другое произведение И. А. Бунина, в котором поэт снова обращается к Пророку. Тема и название стихотворения касаются суры «Корова» (Аль-Бакара):

2: 7. *Бог наложил печать на их сердце и уши; на глаза их надета повязка, и они будут жестоко наказаны¹⁴.*

В комментарии к данному стихотворению Т. М. Двинятина пишет, что оно основано на аятах 2:6, 17:47, 48. Стоит отметить, что нумерация аятов Корана в оригинале, то есть на арабском языке, не совпадает с нумерацией аятов у А. Николаева, и вслед за ним у Т. М. Двинятиной: шестой аят второй суры Корана соответствует седьмому аяту данной суры. Известный переводчик Корана на русский язык И. Ю. Крачковский соблюдает арабский вариант второй суры Корана.

И. А. Бунин использует коранический образ, взятый из второй суры (аят 7), – образ пелены (завесы). Бог говорит своему Пророку:

*Так говорит Господь: «Когда, Мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов Моих,
Я разделяю вас завесою незримой.
Зане смешон врагам Мой сладкозвучный стих»¹⁵.*

Во второй строфе семантика образа завесы обращает нас к внутреннему миру лирического героя. Думается, И. А. Бунин сравнивает то священное знание, которое открывается только тем, кто имел религиозный опыт и уверовал в Аллаха, и те чувства и мысли, которые он сам испытывает. Но добраться до тайников души поэта возможно только для Бога. Для другого человека внутренний мир огражден завесой. Смысл образа завесы во второй части стихотворения определяют следующие строки:

*И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он Сам нас разделил завесою Своей¹⁶.*

Есть разногласие между исследователями относительно источника образа завесы. Так, М. Яхьяпур пишет, что Бунин написал стихотворение на основе семнадцатой суры (45, 46) [13, с. 37]. Приведем текст:

17: 45. *Когда ты читаешь Коран, мы опускаем завесу между тобой и теми, которые не веруют в будущую жизнь.*

17: 46. *Мы обертываем их сердца покрывалами, чтобы лишить их рассудительности. Мы сделали их глухими¹⁷.*

¹² Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 474

¹³ Там же. С. 553

¹⁴ Там же. С. 41

¹⁵ Бунин. Указ. соч. 2014. Т. 2. С. 91

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 269.

У С. Маркуса другое мнение. В своей статье «И восстанет ислам!» он пишет, что произведение И. А. Бунина связано со второй сурой (5, 6): «Этот священный аят (17:46) был ниспослан в связи с тем, что группа язычников досаждала Пророку, когда он в уголке храма Каабы по ночам читал Коран, бросала в него камни и перегораживала ему дорогу, когда он шел к людям с призывом принять ислам. Господь по Своей милости не позволил им причинить ему вред. Да кроме того, и сам Пророк, несмотря ни на что, внушал им страх и благоговение» [8, с. 346-347].

В восточном мистицизме считается, что завеса – это те человеческие качества, которые не дают человеку принять слова Корана: эгоизм, упрямство, высокомерие, невежество. Они не позволяют прочувствовать и понять такие очевидные, с точки зрения священной книги, вещи, как единобожие, воскресение из мёртвых, подлинность призыва Пророка. И для того чтобы пойти по прямому пути истины, человеку следует начать с воспитания и изменения себя самого. Необходимо отметить, что «путем познания у суфиев и мистиков выступают созерцание (шухуд) и раскрытие (завесы) (кашф), которые вместе считаются единственным способом достижения истины» [6, с. 26]. Другими словами, целью суфия в действиях и в области познания является мистический путь (сулук) к истине, и этот путь фактически состоит как из самоотречения, так и из раскрытия завесы и созерцания [9, с. 29]. Мистическое понятие «истина» все еще остается предметом гносеологического поиска, и интуитивно-созерцательное познание, как и рациональное, есть бесконечный переход от менее истинных представлений к более истинным представлениям о первопричине всего сущего. Процесс познания истины есть бесконечное снятие «завесы», движение от менее совершенных степеней познания к более высоким, от менее совершенных «стоянок» на Пути к Богу к более совершенным «стоянкам» [7, с. 411]. В исламе слово *истина* (*ал-хакк*) – один из эпитетов Бога (Аллаха). Этим словом в суфизме принято обозначать Бога как абсолютное бытие, этим же словом определяется не только трансцендентная, но и имманентная сущность человека и мира [11, с. 177].

Стихотворение «Тайна» (1905) начинается с коранического эпитафа: «Элиф. Лам. Мим». Надо отметить, что шесть сур Корана начинаются с этих букв: «Корова» (Аль-Бакара), «Семейство Имрана» (Аль-Имран), «Паук» (Ал-Анкабут), «Румы» (Ар-Рум), «Лукман», «Челобитие» (Ас-Саджда). Существуют разные мнения по поводу этих букв (мукатта‘а). В комментарии к данному стихотворению А. Бабореко пишет: «“Элиф. Лам. Мим” – название букв алфавита в арабском языке, которым придавалось мистическое значение. Возможно также, что они обозначают инициалы писцов, записавших суры Корана» [2, с. 463]. Т. М. Двинятина указывает, что это «буквы арабского алфавита, которыми открываются многие суры Корана», и ссылается, в свою очередь, на примечания М.-Н. О. Османова к «Элиф. Лам. Мим»: «Существует целый ряд теологических толкований значения, стоящего за буквами, однако все они неубедительны. Известный немецкий ориенталист Т. Нельдке, с именем которого связано начало подлинно научного исследования Корана, предположил, что эти буквы служат инициалами тех сподвижников Мухаммада, со слов или записей которых была зафиксирована данная сура» [4, с. 532]. По мнению Т. М. Двинятиной, «для Бунина было важно, прежде всего, то, что эти буквы обладают скрытым мистическим смыслом» [4, с. 532]. Однако предположение немецкого ориенталиста, на наш взгляд, вызывает сомнение.

Мусульманские ученые, глубоко рассмотревшие эту тему, писали следующее: «Текст двадцати девяти сур Корана начинается с похожих на сокращения отдельных букв, так называемых “мукатта‘а”, которые внешне не связаны друг с другом, то есть не образуют никаких значимых словоформ, однако повсюду, где есть такие буквы, сразу за ними следуют высказывания Корана и их интерпретация. Уже сам этот факт указывает на наличие какой-то связи между этими буквами и происхождением Корана. Так, например, в суре «Муравьи» (Ан-Намль) говорится: “Та, син. Это – аяты Корана, ясного Писания” (27:1). И таких примеров в Коране – множество» [10, с. 71].

Встречающиеся в Коране отдельно стоящие буквы всегда были загадкой. Согласно ряду толкователей Корана и богословов, буквы «элиф», «лам», «мим», которые встречаются в начальных строках ряда сур, могут быть иносказательными выражениями Корана. Они содержат тайну, которая открывается только Пророку и его последователям. Так, Имам Садик (потомок пророка Мухаммада) как-то сказал: «Алиф, лам, мим» – это часть букв одного из «прекрасных имен» Аллаха. Эти буквы разбросаны в беспорядке по всему тексту Корана, и каждый раз, когда Пророк и имамы называют Аллаха этим именем, их молитва принимается Всевышним». По преданию, Ибн Аббас и Акрама утверждали, что эти буквы есть буквы клятвы так же, как и имя Аллаха, которым он поклялся. Причина того, что Аллах поклялся этими буквами, кроется, вероятно, в том, что им придается особое значение и величие, поскольку в них выражены несравненное великолепие и недостижимая высота Аллаха, а также все тайны сотворенного мира» [10, с. 71]. Бунин тоже считает, что эти буквы – тайна между Богом и Его Пророком, Посланником:

*«Во имя Бога и Пророка,
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он – тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».
«Элиф. Лам. Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыл их тайну Мухаммед...»
«Молчи, молчи! – сказал он строго, –
Нет в мире Бога, кроме Бога,
Сильнее тайны – силы нет»¹⁸.*

В рецензии на сборник И. А. Бунина 1903-1906 гг. А. А. Блок привел стихотворение «Тайна» как пример «восточных» стихов И. А. Бунина, в которых главенствует «экзотика красок, сонное упоение гортанными звуками чужих имен и слов» [12, с. 532]. Поэт выбирает сильные слова: «Он – тайна тайн». А «тайна» – мистическое понятие, занимающее значительное место в восточной философии.

В статье иранского философа и историка А. Зарринкуба «Ценность суфийского наследия» дается определение ирфана: «Мистицизм – это познание людей тайны. Ирфан (мистицизм) – это способ (путь) познания у тех ученых, которые, в отличие от сторонников аргументаций, при открытии истины в большей степени доверяют своему внутреннему голосу и интуитивному озарению (ишрак), нежели разуму и рациональным доводам. Другими словами, *ирфан* (от араб., букв.: «знание») – достижение истины преимущественно посредством интуиции, а не путем дискурсивного мышления. Обладающий подобным знаниями – ариф, гностик, мистик. Сторонниками данного способа (тарик) познания среди мусульман до известной степени являются суфии» [9, с. 5].

Человек отрывается от всего, что принадлежит ему, для достижения связи с Богом, мирится с бедностью, голодом, унижением и одиночеством, будто отречение от мирских наслаждений, воспринимается им в качестве коридора для достижения истины: «... Для суфия путь любви (ишк), в противоположность разуму, является единственным путём для достижения единения с Великолепным» [6, с. 28]. Таким образом, не логика и разум, а любовь и страсть лежат в основе метода суфийского познания.

И. Р. Насыров подчеркивает, что «несмотря на ограниченность рационального познания, нельзя отрицать правомерность его использования в своей области. Рациональное познание играет большую роль в жизни человека, является для него важным средством ориентирования в мире. Орудием рационального познания является разум (акл), а способом реализации – различные логические конструкции, например, силлогизмы и т. п.

¹⁸ Бунин. Указ. соч. 2014. Т. 2. С. 314.

Рациональное познание путем рассуждений и доказательств осуществляет приращение знания и, таким образом, служит познанию окружающего мира. Согласно Ибн Араби, истинное познание включает в себя и разум, для которого есть соответствующее место. <...> «рациональное познание не гарантирует от ошибок. Недостаток разума, согласно Ибн Араби, – отягощенность дихотомией «истинное / ложное», из-за чего разум принципиально не в состоянии постичь Абсолют, который несовместим с подобной дихотомией» [7, с. 404].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что история ислама и кораническая литература сыграли важную роль в творчестве И. А. Бунина. Поэт изображает некоторые этапы из жизни Пророка Мухаммада, представляя его не только Пророком, но и обычным человеком, одиноким путником в пустыне, страдающим от непонимания окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М. : Ансар, 2007. 400 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1 / Сост., коммент., подгот. текста и подбор ил. А. К. Бабореко. М. : Московский рабочий, 1993. 540 с.
3. Двнятина Т. М. Комментарии // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двнятиной. СПб. : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. С. 439–533.
4. Двнятина Т. М. Комментарии // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Вступ. Статья, сост., подг. Текст, примеч. Т. М. Двнятиной. СПб. : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. С. 343–492.
5. Джаннат С. М. «И восстанет Ислам!» Бунин и Ислам // Издательский дом «Медина» [Сайт]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/mavlid/2/bunin.htm (дата обращения 17.09.2014).
6. Зарринкуб А. Ценность суфийского наследия // Иран–наме. 2012. № 4 (24). С. 5–51.
7. Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М. : Языки славянских культур, 2009. 552 с.
8. Свет В. Е. Вещный мир как элемент восточной среды в ориентальной поэзии Бунина // Взаимовлияние и преемственность литература: Сб. науч. тр. / Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами; [Отв. ред. Е. А. Фомина]. Ташкент : Ташк. ГПИ, 1988.. С. 104–114.
9. Свет Священного Корана (разъяснения и толкования) Т. 1. / Под ред. Н. Зейналова. Исфахан: Центр исламоведческих исследований Имам Амир аль-му'минин Али (ДБМ), 2001. 692 с.
10. Свет Священного Корана: Разъяснения и толкования. Т. V. Санкт–Петербург : Фонд исследований исламской культуры. 2008. 448 с.
11. Смирнов А. Путь к истине: Ибн Араби и Николай Бердяев (о двух типах мистического философствования // Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама. М. : Фонд исследований исламской культуры, Волшебная Гора, 2011. С. 175–203.
12. Тартаковский П. И. Русские поэты и Восток (Бунин, Хлебников, Есенин). Ташкент : Издательство «литература и искусство им. Гафура Гуляма», 1986. 252 с.
13. Яхьяпур М. Иван Бунин и мир Востока. Тегеран : Тегеранский университет, 2007. 205 с. (На перс. яз.).

E. Karimi Riabi (Iran, Tehran)

THE IMAGE OF PROPHET MUHAMMAD IN IVAN BUNIN POEMS

Abstract: The theme of the East holds an important place in Ivan Bunin poems. There are a number of poems on the theme of the East in his work. The article focuses on Bunin's poems where he provides the image of Prophet Muhammad, describing it in the context of Eastern religious esthetics. The article presents structural-semantic analysis of Ivan Bunin's poems using the image of Prophet, which is archetypical for Eastern poetry. The poems have been written basing on the Koran's Ayats (Verses) which are commonly used to interpret the history of Islam and the Koranic literature.

Keywords: Ivan Bunin, Prophet Muhammad, East, Quran, religion.

REFERENCES

1. Ali-zade A. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'*, Moscow, Ansar, 2007, 400 p.
2. Bunin I. A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1 / Sost., komment., podgot. teksta i podbor il. A. K. Baboreko*, Moscow, Moskovskii rabochii, 1993, 540 p.
3. Dvinyatina T. M. *Kommentarii, Bunin I. A. Stikhotvoreniya: V 2 t. T. 1 / Vstup. stat'ya, sost., podg. teksta, primech. T. M. Dvinyatinoi. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, 2014, pp. 439–533.*
4. Dvinyatina T. M. *Kommentarii, Bunin I. A. Stikhotvoreniya: V 2 t. T. 2 / Vstup. Stat'ya, sost., podg. Teksta, primech. T. M. Dvinyatinoi. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, 2014, pp. 343–492.*
5. Dzhannat S. M. «I VOSSTANET ISLAM!» Bunin i Islam, *Izdatel'skii dom «Medina»*. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/mavlid/2/bunin.htm (data obrashcheniya 17.09.2014).
6. Zarrinkub A. *Tsennost' sufiiskogo naslediya, Iran–name. 2012, no 4 (24), pp. 5–51.*
7. Nasyrov I. R. *Osnovaniya islamskogo mistitsizma (genezis i evolyutsiya). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009, 552 p.*
8. Svet V. E. *Veshchnyi mir kak element vostochnoi sredy v oriental'noi poezii Bunina, Vzaimovliyanie i preemstvennost' literatura: Sb. nauch. tr. / Tashk. gos. ped. in-t im. Nizami; [Otv. red. E. A. Fomina], Tashkent, Tashk. GPI, 1988, pp. 104–114.*
9. Svet Svyashchennogo Korana (raz'yasneniya i tolkovaniya), vol. 1. / Pod red. N. Zeinalova. *Isfakhan: Tsentr islamovedcheskikh issledovaniy Imam Amir al'-mu'minin Ali (DBM), 2001, 692 p.*
10. Svet Cvyashchennogo Korana: Raz'yasneniya i tolkovaniya, vol. V, St. Petersburg, *Fond issledovaniy islamskoi kul'tury, 2008, 448 p.*
11. Smirnov A. *Put' k istine: Ibn Arabi i Nikolai Berdyaev (o dvukh tipakh misticheskogo filosofstvovaniya, Kamen' very. Dukhovnoe nasledie Khristianstva i Islama. Moscow, Fond issledovaniy islamskoi kul'tury, Volshebnyaya Gora, 2011, pp. 175–203.*
12. Tartakovskii P. I. *Russkie poety i Vostok (Bunin, Khlebnikov, Esenin). Tashkent, Izdatel'stvo «literatura i iskusstvo im. Gafura Gulyama», 1986, 252 p.*
13. Yakh'yapur. M. *Ivan Bunin i mir Vostoka. [Ivan Bunin and the world of the East], Tehran, Tehran University, 205 p. (In Persian).*

Карими Р. Э. Образ Пророка Мухаммада в поэзии И. А. Бунин // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 59-66.

Karimi R. E. The image of Prophet Muhammad in Ivan Bunin poems, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 59-66.

Сведения об авторе

Карими Риabi Элахех – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры Руссиеведения Тегеранского государственного университета, Тегеран, Иран; ekarimi@ut.ac.ir

Author: Karimi Riabi Elaheh - Ph.D. in Philology, Assistant Professor, Department of Russian studies, University of Tehran, Tehran, Iran; ekarimi@ut.ac.ir